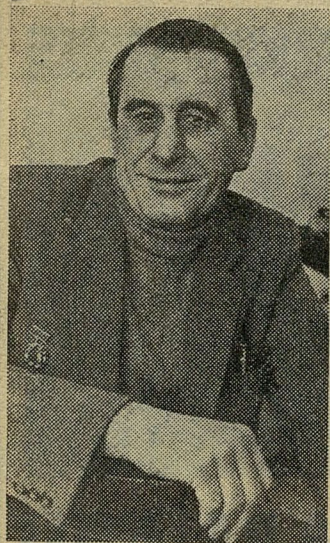

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА.

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ:

Скажу откровенно, люблю читательские конференции. Может быть, потому, что долго писал «в стол», долго не имел читателя, но встречи всегда волнуют, всегда идешь на них с радостным ожиданием чего-то очень интересного и необходимого. Всегда ли они такими получаются? Скажу правду — не всегда. Иногда организаторы встречи проводят ее для «галочки», участники, как выясняется, мало знакомы с твоими произведениями, им нечего сказать, нечего спросить, и чувствуешь себя на таких встречах не очень-то уютно. Но чаще все же бывают они интересными, волнующими, даже незабываемыми, какими были встречи в Ржеве, Калинин, в Московском институте культуры или библиотеке на Щербаковской. Надо сказать, что читательская аудитория непредсказуема: идешь в солидное, интеллигентное учреждение, надеешься, что здесь-то получится интересно, а нет, — скучновато, а порой в обычной библиотеке — насыщенный, волнующий разговор, много давший автору.

И вот накопились у меня уже сотни читательских писем, сотни записок с многих читательских конференций, а я еще не могу сказать, что знаю своего читателя... Кто он? Не эта ли интеллигентная дама средних лет, по-видимому, много читающая, которой очень понравился «Сашка», и в то же время привела в восторг одна довольно сомнительная в нравственном отношении повесть, вызвавшая сердечный трепет многих дам среднего и пожилого возраста; не эта ли девочка в джинсиках, с самоуверенным личиком, заявившая, что она не читает книги про войну (надеюсь!), что ей все твердили, твердили: прочти «Сашку», а она от-

ОТВЕЧАЯ САМОМУ СЕБЕ

махивалась, а когда прочла, ей стало больно и грустно, что она не такая, как герой повести, что она хуже, что она, быть может, была бы на войне даже жестока; не тот ли ветеран войны с иссеженным морщинами лицом, с сомнением покачивающий головой и говорящий, что о войне все равно всю правду никогда не напишут; не этот ли молодой человек в очках, рассуждающий о Швейцере и его «благоволении к жизни», которое он обнаружил в поведении и поступках Сашки; не этот ли боевой генерал-майор, воевавший в сорок втором году на Северо-Западном фронте и сказавший, что все в «Сашке» правда... И много еще вспоминается людей, с которыми говорил, отвечал на вопросы, порой спорил, порой соглашался... И приходишь к выводу, что **твоего**, выдуманного тобой читателя, наверное, нет, а есть вообще читатель, интересующийся многим, и в том числе твоими произведениями. И он многообразен, многолик.

Вопросы, которые звучат на конференциях, задаются в письмах, бывают и серьезными, глубокими, и поверхностными. Стараешься ответить на все, к некоторым возвращаешься потом, долго думаешь, размышляешь, иной раз жалеешь, что ответил не так, неточно сформулировал мысль. К таким серьезным, требующим обстоятельного обдумывания вопросам я бы отнес прежде всего такой: **каким представляется будущее военной прозы?**

Будущее военной прозы тревожит, разумеется, не только читателей. Это вопрос вопросов и для писателей, пишущих о войне. Что и, главное, как будут писать о войне, когда уйдет из жизни наше воевавшее поколение? Смогут ли невоевавшие написать что-то новое о войне? Не будут ли вторичными их произведения?

О войне написано много. Даже, быть может, слишком много. Почему слишком? А вспомните ту девушку, заявившую, что ей надоело читать о войне. Значит, какая-то часть военной литературы не затронула ее чувств, не вызвала никаких переживаний. Я не знаю, что она читала, но, значит, попались ей произведения, которые не сработали. Военная беллетристика невысокого качества на современного молодого

читателя действует совсем в обратном направлении. Об этом надо задуматься и авторам, и издателям. Хотим вызвать патристические чувства — вызываем скуку, безразличие, а то и явное неприятие. Молодой и образованный читатель — это не тот наивный юноша сороковых годов, какими были мы. Он ироничен, скептичен, он, может быть, более тонко чувствует фальшь, он не любит, когда ему «в лоб» талдычат прописные истины.

Все сказанное относится и к серьезной военной литературе. Чем сейчас наша военная проза, много уже сказавшая о войне, может вызвать волну читательского интереса?

Я веду речь не только о каких-то событиях, не описанных нами... Главное, что вся сегодняшняя наша военная литература должна писаться на другом, новом уровне правды! И время, прошедшее с войны, позволяет нам встать на этот уровень. Я не хочу сказать этим, что наша военная проза была недостаточно правдива. Нет! Но мера возможностей правды на каждом отрезке времени разная. И мы видим, как со временем расширялась, углублялась она, как открывала наша проза новые пласты, и это закономерное развитие литературы вообще, ее естественное движение вперед. Если она остановилась на достигнутом — ей конец, начнется регресс, обратное движение, повторы. Существует вполне реальная опасность скатиться в приключенческую, детективную беллетристику. А ведь нас предупреждал еще Маяковский: «Не творите дешевой романтики из алой крови бойцов».

Надеюсь, что этого не произойдет. Великим подвигом стала для нашего народа эта война, и святая память об отцах и дедах еще долго будет жить в сердцах следующих поколений. А текущий литературный процесс, в котором появляются новые имена (поэт Ю. Белаш, написавший «Оглохшую пехоту», А. Генатулин с повестью «Атака»), внушает надежды, что и наше поколение еще скажет свои слова о войне, слова новые, с другим уровнем правды.

Часто читатель спрашивает: **дружим ли мы между собой, военные писатели, обсуждаем ли свои произведе-**

ния, как друг к другу относимся?

Видимо, среди читателей носят слухи о не всегда доброжелательном отношении друг к другу, о всяких там «табелях о рангах»... Скажу прямо, мне, видимо, повезло. Еще не напечатана была моя первая повесть в «Дружбе народов», как позвонил мне Григорий Бакланов и пригласил зайти, познакомиться. Для меня тогда было это чем-то необычным: известный писатель сам позвонил, заинтересовался мной, никому не известным автором еще не опубликованной вещи! Затем у нас сложились добрые и хорошие отношения. Ну, а потом, после публикации «Сашки», — письма. От Виктора Астафьева, от Василия Быкова, от Алеся Адамовича. И какие письма! Доброжелательные, умные, глубокие. Эти письма писателей-читателей лежат у меня в отдельной папке, и значение их для меня огромно. Встречаемся редко, потому что и занятые все, и в разных городах живем, переписываемся тоже нечасто, но письма эти важны для меня чрезвычайно, в них и короткие, но емкие оценки написанного, и мысли, нас всех тревожащие, наблевшие, и рассуждения о нашем ремесле.

Так что чувствую я дружеский локоть, поддержку товарищей — фронтовиков, вступивших раньше меня в литературу и уже сделавших до меня много, считаю их единомышленниками, соавторами и однопутниками в нашей нелегкой дороге. А нужно нам всем немного — доверие к нашей совести, доверие к нашему выстраданному, горькому опыту.

Один из обязательных вопросов на читательских конференциях такой: **каковы ваши взаимоотношения с театром и кино?** Вопрос сложный и больной, потому что сталкиваются две творческие индивидуальности, с разным видением предмета изображения, с разными характерами. А это всегда конфликт. И почти всегда автор бывает недоволен тем, как снято в кино или поставлено в театре его произведение. Увы, я не исключение. Например, если поначалу при работе над фильмом «Сашка» я доверялся режиссеру, поверил в то, что он «влюблен в «Сашку» и сделает все возможное и невозможное, что-

бы вылепить этот образ в кино, то теперь, убедившись, что слова режиссера одно, а дела другое, я уже не так легковверен. Но, честно говоря, возможностей влиять на работу режиссера у автора мало. Пока статья на позицию стороннего наблюдателя не могу, а потому переживаю, мучаюсь, сучусь, но ничего из этого не получается. Видно, не нашел режиссера-единомышленника, такого, с которым было бы полное взаимопонимание. И отказаться от работы в кино и театре нельзя, потому что видеть своих героев «живьем» — ни с чем не сравнимое ощущение чуда. Вот и пишешь сценарии, ходишь смотреть «пробы», прогоны, радуешься и переживаешь. И надеешься, все время надеешься, что вот на этот раз, наконец-то, получится то... И это, наверное, необходимо, потому что выходишь на время из замкнутого мира своего кабинета, встречаешься с молодыми актерами, режиссерами, в общем, с той живой жизнью современных людей, которая тебе тоже нужна как воздух.

Интересует читателей и то, **как относится писатель к читательским письмам, на все ли отвечает, что они дают ему?**

Люблю письма неллицеприятные, где читатель спорит, высказывает свое мнение, в чем-то не соглашается с автором. Последнее время идет у меня переписка с таким читателем, бывшим старшиной артиллерийской батареи, прошедшим в этом звании всю войну, много повидавшим и многое о войне знающим — горьковчанином И. Н. Новиковым. Он придрочив к фактам, бытовым мелочам фронтовой жизни, разговор идет между нами интересный и острый. А тут он прочел «День победы в Черновом», мою повесть, и вдруг впервые ничего досадного для себя не обнаружил, во все поверил и написал, что словами здесь ничего не скажешь, здесь чувства должны говорить, которые возбудила в нем повесть.

Очень многое дали мне письма читательницы из Благовещенска, бывшего санструктора стрелковой роты Н. А. Фесенко, в них прошла передо мной судьба девочек-фронтовичек в пехоте-матушке.

После короткой переписки получил от бывшей разведчи-

цы Калининского фронта А. И. Кольцовой-Кудряшовой рукопись документальной повести «Разведчицы». Интереснейший материал, новый, мало отраженный в нашей военной литературе. И вот прислала рукопись перед самой смертью, надеясь, что у писателя не пропадет она, не сгинет. Еще раз хочу сказать о том, что надо нам взяться за сохранение военных рукописей, не простят нам потомки, если упустим их, если затеряются они и пропадут в безвестности.

Традиционный вопрос — что сделано, ваши планы?

— Закончил рассказ «Лихоборы...», повесть «Встречи на Сретенке». Эти произведения, как и ранее опубликованные — «Дорога в Бородаху», «Будни», «Знаменательная дата», войдут во вторую мою книгу, которая предположительно должна выйти в будущем году в издательстве «Советский писатель». Работают над повестью под условным названием «Сороковые — не огневые». Начало ее падает на конец сорока седьмого года, время послевоенной денежной реформы, продолжается до пятидесятих годов. Время это было сложным, суровым, что получить, пока трудно представить. Работа идет тяжело. Если война отпечаталась в памяти навечно, то эти годы подзабыты, и приходится копаться в старых газетах и журналах, расспрашивать друзей и знакомых, уточнять какие-то детали. Ведь необходимо предельно правдиво восстановить быт того времени, иначе многое не будет понятно в поведении героев. Иду по жизни своего поколения, успею ли добраться до сегодняшних дней — не знаю, но пока шагнул в сорок седьмой, постараюсь добраться и до пятидесятих, а там видно будет...

На телевидении начаты съемки фильма по моему рассказу «Привет с фронта». Студией «Мосфильм» принят сценарий по повести «День победы в Черновом». В театрах страны идет пьеса «Отпуск по ранению», идет «Сашка». В Воронеже в Театре им. Кольцова поставлена пьеса «Дорога в Бородаху», посвященная матерям Великой Отечественной войны. Есть желание написать новую пьесу к сорокалетию Победы, но говорить об этом еще рано, что из этого выйдет — пока неизвестно.

Буду работать. Для умного, тонкого, доброжелательного и строгого читателя.

● Писатель В. Кондратьев.

Фото В. Кузнецова.